

МЕМОАРЫ

Э. Гарда

«СОВСЕМ НЕ ТО, ЧТО ГОВОРЯТ. ЗАМЕЧАТЕЛЬНО!»

«Дело Пастернака» началось в октябре 1958 года: публикация за границей романа «Доктора Живаго», отказ от Нобелевской премии и громогласная кампания, разоблачавшая «предательство» поэта. Секретарь посольства Голландии получил по дипломатической почте посылку с книгой, и очень скоро у меня в руках оказался экземпляр романа. Я читала с непередаваемым волнением. Голос Пастернака бросал снопы света, превращавшего в безнадежно смешное потоки слов, лившиеся непрерывно из развешанных на уличных фонарях громкоговорителей. Мелькало имя Лары, раньше мне незнакомое, его легко можно было прошептать, произнести, не шевеля губами.

Я стала брать «Живаго» с собой, когда ездила по городу. Притворяясь, что поглощена чтением, я старалась держать книгу так, чтобы сосед мог прочитать ее название. Довольно скоро следовал вопрос: «Это тот самый "Живаго"»?». И начиналась ругань: «Что же вы, барышня, читаете книгу врага?». Мне в таких случаях говорили «барышня», а не «товарищ» или «девушка», как обычно на улице. Можно было начинать разговор. Я с таким же, но притворным негодованием отвечала: «А вы ее читали?!». Тон разговора менялся. Слышалось тихое: «...Нет». И я вполголоса: «А Вы хотите ее прочитать?» – И слышу пылкое: «А как же!», которое тут же приходилось скрывать под маской безразличия.

Выйдя из автобуса, мы договаривались о времени и месте возврата: станция метро или памятник Маяковскому на улице Горького. Так я давала книгу несколько раз, и мне ее каждый раз возвращали. Я спрашивала, понравилось ли, и следовал ответ: «Совсем не то, что у нас говорят. Замечательно!». Больше не разговаривали, читатели оставались мне неизвестными.

У моих родителей был знакомый профессор-философ. Как раз в то время он написал статью о «Докторе Живаго». Именно ему я обязана своим знакомством с Пастернаком. Статья пришла по дипломатической почте, и я спросила у Мишеля Тату, который был в то время специальным корреспондентом «Le Monde» в Москве, как добраться до Пастернака. Он нарисовал подробный план и наказал ни с кем не заговаривать по дороге.

Апрельским утром, в бежевом непромокаемом плаще и цветастом платке я произношу как можно спокойнее: «Переделкино». Самое главное, решила я, не добавлять «и обратно», что могло, как мне казалось, возбудить подозрение. Кассир, не поднимая головы, протянул мне билет, я заплатила. И вот я стою на московской платформе с «Живаго» в сумке. В руках нарочито небрежно держу «Преступление и наказание». Между страниц план Тату. Поезд двинулся. Деревья зеленые – это все, что я успеваю заметить. Туманно. Вспоминаю план.

Станция маленькая. Со мной выходят два человека. Я нагибаюсь как бы за тем, чтобы застегнуть босоножки, пропускаю их. Сначала дорога идет вниз, поворачивает налево, вот кладбище, мостик, теперь дорога поднимается вверх... Дом творчества писателей остается слева, я упираюсь в трансформатор. Все, как указано. Вот первый дом, за ним дом Федина, я прохожу, подхожу к калитке. Должно быть здесь. Калитка так плотно прилегает к изгороди, что мне виден только кусочек лужайки.

Я звоню. Лает собака. Тату, между тем, написал: зеленая крыша, собаки нет. Крышу я разглядеть не успела. Женский голос, недовольный, на-

стороженный. Неприязненный вид. Но женщина слушает меня, лицо смягчается: «Я схожу за ним, пойдёмте», – и она ведёт меня к маленькой рощице слева, указывает скамейку.

На обложке «Живаго» была напечатана фотография Пастернака. Этот человек теперь и подходит ко мне – красивый, грустный, с неподдающейся описанию осанкой, одновременно высокий и несколько склоненный, как будто его не отпускает какая-то мысль, которую он хотел бы додумать до конца. Он неторопливо приближается, не глядя на меня, может быть, гордо, будто бы жизнь приказала ему больше никогда не торопиться.

Что это за страна, где говорить стало сродни взрыву или предательству?

Что это за страна, где лихорадочно, рискуя своей свободой, люди передают друг другу стихи на папиросной бумаге, обычно сложенной вчетверо, чтобы ей быстрее переходить из книги, которая их прячет, в книгу, которая будет их прятать?

Что это за страна, в которой единственные люди, говорящие то, что думают, – пьяницы, которых я встречаю в московских пригородах?

Что это за страна, где недоверие стало сродни дыханию?

Пастернак медленно подходит. Боже, какой он красивый, грустный и красивый, с осанкой, которую могут хранить лишь статуи. И вот он улыбается, приглашает меня сесть, и я передаю ему статью знакомого профессора. Мы знакомимся, как ни в чем не бывало, будто бы и нечего добавить к той скудной информации, которую я ему даю о себе, – запрет, которому я должна следовать еще и потому, что я, студентка, живу в семье дипломата, к тому же военно-морского атташе.

Говорю: «Я еще принесла вам вашу книгу». Он спрашивает: «Порусски?» Я сказала: «Да». И вынула из сумки «Живаго». Пастернак медленно протянул руку. Он взял книгу и молчал, не открывая ее. Потом ска-

зал: «Я в первый раз вижу роман таким, как его написал, на русском языке».

Не выпуская книгу, он добавляет: «Здесь ее только ругают». Я перебиваю: «Только не те, кто ее прочитал». Пастернак поднимает голову, смотрит на меня. И я рассказываю. Когда я дошла до «барышни», произнося слово так, как я его услышала, Пастернак повторяет, улыбаясь: «Да, барышня!».

Дальше рассказ раздваивается. Пастернак слушает меня, и я нагло вру: «Я давала ее десятки раз»! А сама не верю, что вообще могла кому-нибудь дать свой экземпляр «Живаго». Как я могла отважиться на это? Но почему я тогда так ясно слышу в ответ на мой вопрос: «Совсем не то, что у нас говорят. Замечательно!».

Пастернак неподвижен. Он держит «Живаго» в руках, руки немного вытянуты, так, будто он хочет передать кому-нибудь книгу. Я только что произнесла: «Совсем не то, что у нас говорят. Замечательно!».

Пастернак смотрит на меня: он одновременно улыбается и плачет.

Потом повторяет: «Я, действительно, в первый раз держу его в руках».

Мы поговорили еще. Он хотел знать, как мне понравилась Россия, получалось ли у меня ходить в театры и на концерты. Моя «ложка в Большом театре» вызвала у него улыбку. То, что я попала на мастер-класс Давида Ойстраха, слушала Шостаковича, очень его обрадовало: «Уедете не с пустыми руками!».

Я приехала снова в июле, как и было оговорено, в качестве гонца от профессора, автора статьи о Пастернаке. Кажется, открыл мне сам Пастернак. Он показался мне беззаботнее, но и более молчаливым. Пригласил меня войти, и я вошла в деревянный дом, с множеством окон, похожий на корабль. Дом был в глубине сада, весь погружен в зелень. Это придавало гостинице не то чтобы суровый, но строгий вид. Все было будто затаенным,

защищенным, недостижимым. И шаги его были бесшумны. Были ли книги по стенам? Не помню, но был рояль. Я уже не знаю теперь, о чем мы разговаривали. По поводу статьи Пастернак высказал лишь общее с ней согласие. Стулья были, кажется, покрыты красным бархатом, мы выпили чаю за маленьким столом. Больше я ничего не помню. Но вот что мне видится как при замедленной съемке: Пастернак возвращается из своего кабинета, он приближается молча. Держит в руках открытую книгу на уровне лица и все время, пока идет, через всю комнату, мимо рояля, единственное, что занимает его целиком: он осторожно, чуть-чуть играя, дует на правую страницу.

Тогда я пришла в восторг от длинной, ласковой надписи фиолетовыми чернилами, надписи, которая плыла, как корабль на всех парусах. Сегодня, когда я пишу это, мне думается: для того, чтобы слова путешествовали, нужно, чтобы высохли чернила. Так пишутся книги, так пишутся стихи.

Анжер, май 2007

Перевела с французского О.Г. Виноградова.